

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ЛЕОНИДА ГУБАНОВА

© 2009 А.А.Кузнецов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 08.10.2009

Проведен системный анализ основополагающих концептов поэтического мира Леонида Губанова (1946 – 1983), основателя легендарного СМОГа (Самого Молодого Общества Гениев), одного из лидеров московского поэтического андеграунда 1960 – 70-х. Результаты проведенного анализа говорят о том, что Смерть и Бессмертие являются генеральными категориями поэтического мира Губанова. При этом, смерть воспринимается поэтом не как отвлеченно-абстрактная категория, а как глубоко личное экзистенциальное переживание. Особое внимание уделяется антропоморфизации смерти, так как уподобление человеку любых предметов и явлений – один из основных приемов поэтики Губанова.

Ключевые слова: основополагающие концепты, смерть и бессмертие, поэтический мир, экзистенциальное переживание, антропоморфизация, основной прием поэтики.

Одним из основополагающих в поэтическом мире Леонида Губанова (1946 – 1983), основателя легендарного СМОГа (Самого Молодого Общества Гениев), одного из лидеров московского поэтического андеграунда 1960-70-х, является концепт Смерти. Губанов – поэт инстинктивно-интуитивного обостренно-эмоционального мировосприятия. Поэтому смерть в его художественном мире – не отвлеченно-абстрактная категория, а глубоко личное экзистенциальное переживание. Он пишет не о том, что такое смерть, не пытается анализировать сущность этого явления, а передает ощущение тотальной обреченности своего существования, изначальной трагической обреченности Поэта на раннюю смерть. О пристрастии Л.Губанова к определенной биографической парадигме писал Андрей Журбин: «Лирик был убежден, что гениальные поэты погибают в 37 лет или ранее»¹. И далее: «Смерть в 37 лет воспринималась Л.Губановым почти как поэтический долг»². Губанов обостренно лично воспринимал смерть, предчувствовал свой ранний уход из жизни и не раз предсказывал его в своих стихах, не раз повторял, что это произойдет именно в сентябре и в том самом роковом возрасте 37 лет:

«Я лежу ногами вперед в сентябрь...»³(Гравюра); «Здравствуй, осень, потный гроб, / Желтый дом моей печали. / Умер я – иди свечами, / Здравствуй, осень – новый грот. / Умер я, сентябрь мой...» (Осень. Масло)

«В сентябре вода прибывает, / В сентябре гробы забывают...» (Дуэль с Родиной);

«Сентябрь глаза на сердце сузит, / И я усну – как прах, как тварь...» (На темных виселицах сада...); «Холст 37 на 37 / Такого же размера рамка. / Мы умираем не от рака, / И не от старости совсем...» (Полина)

Так и случилось: Леонид Губанов умер от сердечного приступа 8 сентября 1983 года, в возрасте 37 лет, в московском доме № 37 по улице Красных Зорь. К сожалению, во всех трех изданных книгах Губанова даты написания проставлены лишь у 10% стихотворений. Однако в двух наиболее репрезентативных изданиях – «Я сослан к Музе на галеры...» (2003) и «Серый конь» (2006) – указывается, что стихотворение «Осень. Масло» написано в 1964 году, когда Губанову было 18 лет, а «На темных виселицах сада» – в 1982-м, буквально за год до смерти. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что предчувствие ранней смерти преследовало поэта на протяжении всей его жизни. Таким образом, тема смерти в поэзии Губанова присутствует, в первую очередь, в качестве провидения, предчувствия, предсказания собственной гибели, в самом прямом физическом смысле. Одновременно с этим, трагически ранний уход из жизни мыслится Губановым как общее свойство судьбы Художника. В этом смысле ранняя смерть в художественном мире Губанова становится своеобразным концептом,

Кузнецов Александр Александрович, старший преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью Международного независимого эколого-политологического университета, соискатель.

E-mail:accio@mail.ru

¹ Журбин А.А. Интертекстуальность творчества Леонида Губанова: Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Астрахань: 2006. – С.4

² Там же. – С.8.

³ Здесь и далее стихотворения Л.Губанова цит. по: Губанов Л.Г. «Я сослан к Музе на галеры...» / Сост. И.С.Губанова. – М.: 2003.

неотъемлемой составляющей частью биографии любого гениального поэта:

*«Да! Мазать мир! Да! Кровью вен! / Забыв
измены, сны, обеты, / И умирать из века в век /
На голубых руках мольберта...» (Полина);
«...Кого полюбят Боги — / Тот умирает моло-
дым...» (Лермонтов)*

Таким образом, Смерть в поэтическом мире Губанова в определенном смысле эстетизируется, поэтому различными образами Смерти наполнены многие его стихотворения:

*«Смертный час, как одна из касс / — На глаза
мои медь и медь» (Погребенье начистоту); «Шоко-
лад похож на могильные плиточки, / А могильных
плит нет ничего лучше... (И несут дожди по ни-
точке...); «Я три гроба по карманам / Распишаю
кое-как...» (Я три гроба по карманам...)*

А что же происходит после Смерти? Поэт рисует следующую картину загробного мира; по его мнению, после физической смерти существование продолжается в других реальностях:

*Под восторженной землей
Пусть горит мое окошко...
(Осень. Масло)*

Прожитая жизнь показывается человеку, как снятый фильм:

*«Но я клянусь своей лампадой, / Клянусь еще
горячим лбом, / Что за могильною лопатой / Нас
ждет невысказанный дом... / Там потолок в два
километра, / Гостиная в семнадцать верст, / И
наших судеб — киноленты / Там крутит охроме-
вший пес...» (Всадник во мгле)*

Важной составляющей художественного мира поэта становятся стихи, написанные с точки зрения души после смерти, когда описывается — что видит душа сразу после смерти, смотря с высоты на собственное умершее тело. Мы видим картины того, как душа поэта наблюдает за его собственными похоронами, и изображения посмертных её встреч с ангелами и самим Богом. Это присутствует в стихотворениях «Воспоминание о своих прошлых похоронах», «Как поминали меня...» и «Покаянное». Важно и то, что в поэтическом мире Губанова абсолютно всё одушевлено, всё находится в постоянном движении, дышит, чувствует, живёт: природные стихии и явления, огонь, вода, земля, воздух, реки, дожди, молнии, деревья, свечи и клавиши, грусть, ошибки, ангина и ненависть. Все эти так далеко друг от друга отстоящие явления объединяет в мире Губанова их предельная одушевленность, уподобление человеку.

И даже Смерть в художественном мире Губанова иногда антропоморфизируется, предстаёт в образе юной девушки. Например, в поэме «Разговор с катафалком» смерть изображается в виде «худенькой горничной», а в стихотворении «Часовенка забыла адрес...» встреча лири-

ческого героя со Смертью показывается как любовное свидание. Можно сказать, что антропоморфизация любых вещей и явлений окружающего мира является одним из основных приемов поэтики Губанова; Смерть, как важнейший персонаж его лирики, не является в этом смысле исключением. Весьма примечательно также, что в стихотворении «Судьба открылась спозаранку...» изображается *обратная последовательность* человеческой жизни:

*Неужто я на самом деле
От смерти и до колыбели
Тебя обманывал, Творец?!*

Ощущение обратного движения человеческой жизни перекликается по смыслу со стихотворением «Устало слово быть моложе...», в котором говорится о Лермонтове, который «в могиле видел колыбель», то есть, в картине Смерти поэт провидел будущее Рождение. Исходя из этого, можно выделить еще одну важнейшую особенность поэтического мира Губанова: жизнь представляет собой в этом мире бесконечный круговорот рождений и смертей, позволяющий в конце жизненного пути видеть его начало. А в воронке этого круговорота становится возможным «обратное» движение времени — «от смерти и до колыбели», что подчеркивает амбивалентность губановской поэтической картины мира. В этом же стихотворении Смерть сравнивается с Дверью: «Мы все там будем, это верно, / И многим уж открыта дверь...» Здесь в немногих словах дается определенная концепция мироздания: «дверь», о которой идет речь во второй строке, — это смерть, которая оказывается *дверью в Другую жизнь*. Она отделяет жизнь от смерти и одновременно соединяет их. Подобная ситуация изображается во сне Андрея Болконского перед смертью: там дверь до времени защищает героя от смерти, смерть находится *за дверью*. Но войти она может именно через эту дверь, ее только нужно открыть⁴. Как видим, Губанов выступает как продолжатель традиции классической русской литературы.

⁴ «...Всё заменяется одним вопросом о затворенной двери. Он встаёт и идёт к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Оттого, что он успеет или не успеет запереть ее, зависит всё. <...> И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бесильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в нее. Что-то нечеловеческое — смерть — ломится в дверь и надо удержать ее... Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть *смерть*. И князь Андрей умер...» (Толстой Л.Н. Война и мир. — М.: 1983. — Т.4. — С. 403 — 404).

Нередко в творчестве Губанова присутствует тема самоубийства. С одной стороны, оно может пониматься метафорически: сама реальность, в которой мы живем, воспринимается поэтом настолько мучительно, что вся человеческая жизнь кажется постоянным, регулярным, повседневным самоубийством. Поэтому возможна гротескная ситуация, когда герой вешается – и идет себе дальше: «...*Мои белые стихи искали шарф, / На котором я повесился, дальше шел...*»

Но в стихотворении «Навязчивая мысль – машина черноволосая...», написанном осенью 1967 года, самоубийство, понимаемое в точном, неметафорическом смысле, прямо определяется как «навязчивая мысль». В конце стихотворения поэт настойчиво повторяет: «и я застрелюсь, застрелюсь, пожалуй...» Такие же повторы звучат и в «Стихотворении с таблицей умножения»: «Я примеряю, примеряю / Полу-пальто самоубийц...»

В большинстве случаев и смерть, и самоубийство, и бессмертие воспринимаются Губановым с литературной точки зрения, именно как часть биографии Художника. Когда он пишет о самоубийстве, он говорит, в первую очередь, о самоубийстве именно поэтов: Есенина, Маяковского, Цветаевой.

*Жила на свете меточка
Курсисточкой красивой,
В бумажном платье девочка
Петлю с собой носила...
(Была б жива Цветаева...)*

О своеобразной «эпидемии самоубийств» среди поэтов Серебряного века писал Александр Кобринский, подчеркивая, что это была эпоха, «когда граница между литературой и жизнью оказалась прорванной в обе стороны. Старый призыв «писать, как живешь, и жить, как пишешь» обрел второе дыхание. Роль же поэтов и поэзии в русском обществе всегда выходила за пределы собственно литературы – и это ложилось дополнительным психологическим бременем на их плечи. Отсюда это обилие самоубийств и попыток к самоубийству, которыми буквально пронизана история русской литературы»⁵. Подобную мысль применительно к поэзии Губанова высказал С.Ю. Преображенский: «... Леонидом Губановым, для кого поведение в миру было продолжением творчества, а творчество – формой поведения в миру, грань

между миром и текстом вообще воспринималась как достаточно условная»⁶.

Наряду с самоубийством, в поэзии Губанова присутствует и тема собственно убийства; например, в стихотворении «Выстрел», написанном от лица последнего, причем, такого выстрела, который убивает именно поэтов: Пушкина, Лермонтова, Маяковского, а в последних строчках засыпает на плече у автора: «... *усну я тихо на плече Губанова / И, может, пропущу его по блату...*»

Также следует сказать об амбивалентности генеральных категорий художественного мира Л. Губанова. На каждый тезис у него можно найти антитезис, на каждую мысль есть контрмысль. Например, при большом количестве произведений, посвященных теме самоубийства, у Губанова есть стихотворение, в котором утверждается, что он НЕ совершит этот шаг:

*Но пока горны
поют честь и хвалу трупам,
Я не перережу горло
И не порву струны.
(Заметки на подкладке пальто)*

В стихотворении «Тоскует дух! Немеет тело...», в котором тоже присутствует тема самоубийства – «... *был бы кольт – и застрелиться, потом в гробу похорошеть*» – ситуация смерти поэта изображается в том числе и как Сон. Сравнение Смерти и Сна активно применялось русскими поэтами еще в 19 веке. Достаточно вспомнить пророческое стихотворение Лермонтова «Сон», рисующее поразительно точную до деталей картину его будущей гибели. С указанным произведением Губанова, включающим в себя темы самоубийства, смерти и сна, соотносится также знаменитое стихотворение Ф.И. Тютчева «Близнецы». В этом стихотворении Тютчев прямо называет Смерть и Сон – близнецами: «*Есть близнецы – для земнородных / Два божества – то Смерть и Сон...*». Нельзя не отметить некоторую необычность «распределения» близнецов по парам в этом стихотворении: Смерть и Сон; Самоубийство и Любовь. Оказывается, что самоубийство еще не есть смерть, у Тютчева оно становится формой существования в состоянии любви, результатом которого является смерть. Наконец, в поэзии Л. Губанова Смерть может выступать и как Высший Суд:

*... и мне не нужно инквизиции,
Когда и так на Страшный Суд
Стихи с растерзанными лицами
Предсмертный Крик мой отнесут!
(А если вам последней проповедью...)*

⁵ Кобринский А.А. Самоубийства поэтов Серебряного века: между литературным бытом и литературным фактом. // «А сердце рвется к выстрелу...» / Сост., вступ.ст., сопроводит. тексты А.А. Кобринского. – М.: 2003. – С. 21.

⁶ Преображенский С.Ю. К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата (на материале поэзии Л. Губанова) // Русская альтернативная поэзия XX века. – М.: 1989. – С. 45.

Событие смерти здесь неразрывно связано с образом Высшего (Страшного) Суда, который ждет человеческую душу после того, как она покинет земной мир. Высший Суд связан с переживанием лирическим героем Покаяния. Героя мучает острое чувство раскаяния за напрасно прожитую жизнь, за то, что его единственная жизнь была потрачена на «бранные ухмылки плоти». Смерть становится причиной неутешительного подведения итогов. Вместе с тем, поэт постоянно напоминает о том, что Высший Суд неизбежно ждет каждого человека, его стихи наполнены призывами к Покаянию и пророчествами грядущего Возмездия:

*Ах, скоро, скоро вас разбудит горн
Моих злоеющих беспощадных песен.
(Первая клятва);
Скоро-скоро ваши двери я открою словно вены,
Горько хлынет кровь пророчеств по потресканной
душе...
(Золотая фреска)*

Именно через покаяние становится возможным очищение души и ее дальнейший посмертный путь к Богу. Через покаяние и еще – через поэзию. Потому что Поэзия в художественном мире Губанова является своеобразным «билетом» на вход в Вечность. А стихи поэта служат делу «перелистывания тьмы в свет», о чем говорится в стихотворении с характерным названием «Покаянное».

Бессмертие в поэтическом мире Губанова присутствует прежде всего в форме посмертной литературной славы. Поэт продолжает развивать тему «Памятника», которая известна по творчеству Горация, Ломоносова, Державина, Пушкина и других авторов. В таком понимании бессмертия Губанов следует найденной перечисленными авторами и наиболее удачно высказанной Пушкиным поэтической формуле – «Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит»⁷:

*«Я – то зерно, которое взойдет, / Не хватит
рук, чтобы меня пожать» (Зимняя пастораль); «Я
только знаю – поздно, рано ли, / Познав другую
благодать, / Я буду бронзовый и мраморный, Под
тихим солнышком стоять». (В кольчуге трезво-
сти); «Когда-нибудь все мальчишки России / За-
растут моими стихами так, / Что махнут на
них рукой все цырюльщики!..» (Распятие с эма-
лью); «А славе, беззащитной, как свеча, / За-
жженной на границе тьмы и тления, / Оставляю,
умирая, невзначай – / Бессмертные свои стихо-
творения» (Шалаш настроения).*

⁷ Из классиков русской поэзии такой точке зрения наиболее ярко противостоит Г.Р.Державин в стихотворении «Река времен в своем стремлении...», в котором опровергается идея поэтического бессмертия:

А если что и остаётся
Чрез звуки Лир и трубы,
То Вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Но одновременно с такой высокой самооценкой в поэзии Губанова присутствовало и чувство обреченности, ощущения того, что его слово так и не будет услышано:

*Муза, Муза! Чар своих не пронеси
Третий раз один и тот же снится сон:
Я – Царь-колокол, да, видно, на Руси
Не поднять меня. А вот уж был бы звон!
(Стихи к Музе)*

Еще одна форма бессмертия, предлагаемая Губановым – продолжение своей жизни в детях. Как писал Арсений Тарковский, «чтоб кровь моя из века в век текла...». Именно поэтому в поэтическом мире Губанова присутствует образ Сына. Именно в сыне, помимо возможной посмертной славы, видит поэт свое бессмертие. Когда прекращается земное существование, жизнь человека, его «плоть и кровь», продолжают жить в его детях.

Таким образом, это тоже не отвлеченно-возвышенная, а вполне материальная форма бессмертия, как и посмертная слава, то есть продолжение жизни в человеческой памяти большого количества людей. Вместе с тем, говорить о такой форме бессмертия в поэзии Губанова в полной мере не позволяет присутствие в его стихах чувства обреченности ребенка на такую же раннюю гибель («Постель для собственного сына»). Можно сказать, что абсолютной уверенности в том, что жизнь продолжится в сыне, в произведениях Губанова нет. И это еще раз подчеркивает амбивалентность его художественного мира. Таким образом, Смерть и Бессмертие можно назвать генеральными категориями поэтического мира Леонида Губанова. При этом, смерть воспринимается Губановым не как отвлеченно-абстрактная категория, а как глубоко личное экзистенциальное переживание. Тема смерти присутствует, в первую очередь, в виде провидения, предчувствия, предсказания собственной гибели. Вместе с тем, трагически ранний уход из жизни мыслится Губановым как общее свойство судьбы Художника.

В поэтическом мире Губанова смерть нередко антропоморфизируется, и это становится еще одним подтверждением того, что прямое уподобление человеку любых вещей и явлений окружающего мира – является одним из основных приемов поэтики Губанова. Бессмертие в поэтическом мире Губанова присутствует, прежде всего, в форме посмертной литературной славы. В своих стихах он продолжает развивать тему поэтического бессмертия. И смерть, и самоубийство, и бессмертие воспринимаются Губановым именно как часть биографии Художника. При этом генеральным категориям поэтического мира Губанова свойственна амбивалентность.

На каждый тезис всегда есть антитезис, на тине мира дополнительную объемность и мно-
каждую мысль есть противоположная мысль, гомерность образов.
что придает его философско-поэтической кар-

DEATH AND IMMORTALITY IN POETIC WORLD OF LEONID GUBANOV

© 2009 A.A.Kuznetsov^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The system analysis of the basic concepts of the Leonid Gubanov's poetic world is carried out. Leonid Gubanov (1946–1983) is known as the founder of the legendary SMOG (The Youngest society of Men of Genius), one of the leaders of the Moscow underground poetry in sixties and seventies. The results show that Death and Immortality are the general categories of the Gubanov's poetic world. Thus, the death is perceived by the poet not as an abstract category, but as a deeply personal existential experience. The special attention is given to the anthropomorphizing of death, as likening of any subjects or phenomena to the person is one of the main devices of Gubanov's poetics.

Keywords: basic concepts, death and immortality, the poetic world, existential experience, anthropomorphizing, the poetic device.

^o Kuznetsov Aleksandr Aleksandrovich, Post-graduate Student, Senior Lecturer of Journalism and PR Department of International Independent University of Environmental and Political Sciences.
E-mail: accio@mail.ru